

Семья и семейные отношения

В середине XIX в. у татар Урало-Поволжья сохранялись так называемые большие семьи. Они состояли из трех, иногда четырех и более поколений ближайших родственников. Члены большой семьи вели коллективное хозяйство. В пореформенный период, во второй половине XIX века, большие семьи постепенно распадаются (путем семейных разделов и выделения малых семей). К началу XX столетия основной социальной и экономической ячейкой татарского общества стала малая семья, состоящая из родителей, детей и внуков.

Отношения между членами семьи регулировались не только принципами частной собственности, но и нормами обычного и мусульманского права (*шариат, шаригат*). При решении внутрисемейных дел и имущественных споров татары практически не прибегали к помощи юридических законов Российского государства. Брачные отношения также строились на основе законов шариата, преломленных в народной культуре.

Процедура заключения брачного союза была несложной, но ей предшествовал длительный подготовительный период, частью которого была непременная выплата калыма за невесту. Размеры его нередко были значительными, и родители жениха принимали непосредственное участие в его сборе. После заключения брака жена переходила не только во власть, но и на иждивение своего супруга. Родители невесты не вмешивались во взаимоотношения молодых, более того – они ориентировали

дочерей на покорность мужьям, даже в тех случаях, когда взаимоотношения в семье бывали сложными. Женщина не могла по своему усмотрению покинуть дом мужа и уйти к родителям или родственникам, так как ее там не принимали. Инициатива в разводе, кои случались у татар крайне редко, исходила обычно от мужчины. Процедура развода состояла в том, что муж и глава семьи должен был трижды вслух и при свидетелях произнести слово «*талак*» (развод) – и брак считался расторгнутым. Не рекомендовалось произносить *талак* даже два раза в течение одного дня, дабы избежать необдуманного развода под влиянием сиюминутного порыва гнева. При разводе мужчина возвращал жене ту часть калыма, которая предназначалась на ее содержание. Женщина могла забрать с собой свои личные вещи.

Развод считался позорным, в особенности для женщин. Репутация разведенной женщины, как правило, была незавидной. Женщина могла стать инициатором развода лишь в том случае, если

муж не обеспечивал ее и детей материально или когда он оказывался психически нездоровым. Пожалуй, единственным веским аргументом при разводе считалась бездетность.

У татар бывали случаи женитьбы на свояченицах (после смерти жены). В этнографии этот обычай носит название *сорорат*. Вторую дочь выдавали за зятя, если он хорошо жил с первой. Имели место случаи *левирата*, т.е. женитьбы на вдове брата [20, с.14; 4, с.17].

В семейном хозяйстве татар мужчина выполнял роль главы не только номинально, но и фактически. Он был обязан содержать семью в достатке и для этого трудиться как подобает мужчине. Женщина выполняла все необходимые домашние работы, воспитывала детей. Известный у мусульман обычай многоженства был распространен и у татар. По шариату мужчине позволено иметь четырех законных жен. Но для того чтобы жениться второй раз, мужчина должен был получить согласие первой жены. Если он задумал жениться в третий и четвертый раз, нужно было полу-

чить согласие всех жен. Кроме того, есть необходимое условие многоженства – муж должен быть в состоянии удовлетворить всех своих жен физически и обеспечить материально их и детей.

В конце XIX в. случаи многоженства у татар были довольно редким явлением. В отдельных случаях мужчина мог позволить себе иметь двух жен. Чаще всего это делали зажиточные татарские кре-

Супружеская пара сельских татар
(Дюртюлинский район. 1991 г.)
Фото автора

стьяне и богатые горожане или служители культа [22, с.10]. Единичные случаи многоженства встречались у татар в Башкирии в первой четверти XX в.

Многодетность была естественным явлением в татарских семьях конца XIX – начала XX в. Средняя численность индивидуальной семьи в этот период составляла 8–10 человек.

В этике семейных отношений у татар важнейшими чертами было почитание родителей и старших родственников, включая родных братьев и сестер, авторитет главы семьи. Тезис о приниженном положении женщины в татарских семьях при тщательном анализе этого вопроса мог бы стать поводом для дискуссии. Фактическая роль женщины в семье часто оказывалась совсем не такой, как можно себе представить, рассматривая внешнюю сторону семейного мусульманского права. Об этом свидетельствуют роль и место старшей женщины (*зур инэй*) в большой семье или матери главы семьи (*карт инэй, зур инэй*) в малой и, наконец, власть старшей жены над младшими, если мужчина имел несколько жен.

В малой семье хозяйство отца обыкновенно наследовалось младшим его сыном (*минорат*). Старшие сыновья должны были сами создавать свое хозяйство. Родители, естественно, оказывали им посильную помощь.

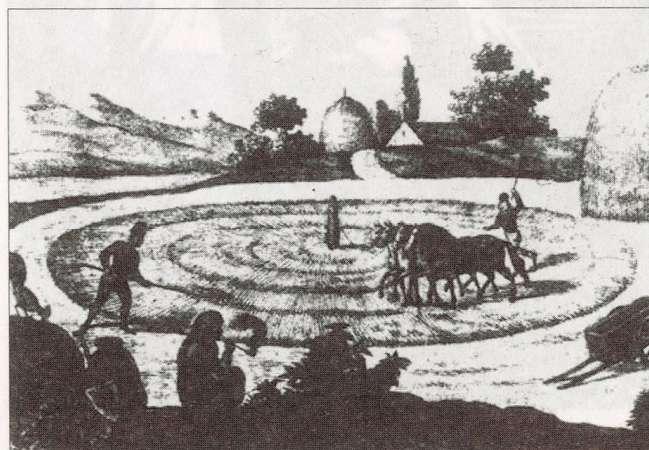
Материальная культура

По свидетельству современников, татары в Башкирии выделялись как «лучшие земледельцы края». Действительно, расцвет земледелия в регионе во многом связан с переселенческим движением. В Башкирии среди татарского населения продолжали развиваться традиционные виды промыслов: кожевенное производство, металлообработка, ювелирное

дело, ткачество, деревообработка. Характерной чертой хозяйственной деятельности татар в Башкирии (по сравнению с другими этническими группами) является ее товарная направленность. В отличие от татар Поволжья у «башкирских» большее распространение имели охота, рыболовство, в XVII – начале XIX в. – стадное скотоводство (овцеводство и коневодство). Эти особенности культуры татар в Башкирии явились следствием этнокультурного взаимодействия с другими народами, главным образом с башкирами.

Комплекс хозяйства волжских татар, сформировавшийся в пределах Волго-Уральской историко-этнографической области, явился результатом взаимодействия нескольких этнокультурных потоков и синтезировал в себе два основных хозяйственно-культурных типа – оседлых земледельцев лесной и лесостепной зоны и степных кочевников-скотоводов. Серьезный отпечаток на развитие хозяйства татар наложили торговые и ремесленно-производственные традиции городов Волжской Булгарии и Золотой Орды (X–XV вв.).

Во второй половине XIX – начале XX в. хозяйственный комплекс татар включал в себя несколько отраслей: земледелие и животноводство, охоту,

«Татарская» молотьба
Гравюра XVIII в.

барыс елы – *байлык* (год барса – богатство), *тычкан елы* – *баллык* (год мыши – медоносен), *сыер елы* – *туклык* (год коровы – сытость) и т.д. [32, с.13; 28, с.19].

В XIX в. тюркские народы Российской империи переняли русскую календарную систему – юлианский календарь, а с 1918 г. – григорианский.

Рождение ребенка сопровождалось целым рядом обязательных обрядов, имеющих как чисто ритуальное, так и практическое значение. В конце XIX – начале XX в. в большинстве случаев роды принимали повивальные бабки – *эби* (досл. бабка), *бала эбисе* (повитуха), *кендек эби* (досл. пупочная бабка). Случаи рождения детей в доме при помощи повитухи были еще довольно частыми в 40–50-е годы XX в. Занятие повитух называли *эбилек*. Но в случае острой необходимости и за отсутствием *эби* роды могли принимать и ближайшие старшие родственницы роженицы.

Как только ребенок появлялся на свет, повитуха, отрезав и завязав пуповину, обмывала младенца и заворачивала его в нательную рубаху отца. Считалось, что это помогает установлению прочных отношений взаимного уважения и любви

между отцом и ребенком. Затем совершался ритуал *авызландыру* (смысл. дать отведать). Для новорожденного делали подобие соски – в тонкую ткань заворачивали комоч разжеванного с маслом и медом хлеба и давали пососать. Иногда просто обмазывали рот ребенка маслом и медом или медовым раствором – *зэмзэм су*. Обряд сопровождался традиционными пожеланиями счастья, здоровья, способностей, благосостояния новорожденному.

На следующий день устраивали *бэби мунчасы* (досл. – детскую баню). После посещения бани домочадцами, когда она становилась нежаркой, повитуха помогала помыться молодой мамаше и искупать младенца.

Спустя несколько дней в доме, где родился ребенок, устраивали обряд *бэби туге* и *исем кушу* (пир по случаю рождения ребенка и имянаречения). Приглашали муллу и гостей – мужчин из числа родственников и знакомых семейства. Мулла открывал обряд традиционной молитвой, затем к нему подносили на подушке ребенка, и он обращался к Всевышнему, призывая его принять вновь рожденного под свое покровительство. После этого нашептывал на ухо младенцу *азан*

(призыв к молитве для правоверных мусульман) и произносил имя новорожденного. Имена детям подбирали, как правило, муллы, имевшие специальные календари-именники. В них с давних времен преобладали имена из религиозных канонических сказаний. Считалось, что от имени зависит дальнейшее будущее младенца и его судьба. Выбор зависел от многих причин. В небогатых семьях старались подобрать имя, символизирующее богатство и благососто-

Уста-бике (*абыстай*).

За чтением толкований корана (*тэвсир*). 1994 г.

Фото Л. Тютюгина

яние, если ребенок выглядел слабым – выбирали имя, отражающее крепость духа и тела и т.д.

Завершив обряд имянаречения, мулла объявлял присутствующим, что *умма* (братство, община мусульман) пополнилась новым членом, и желал ему быть здоровым, крепким, счастливым, стать добрым мусульманином на радость родителей и общества, после чего вновь читал подобающую в таких случаях молитву. Гости присоединялись к ней и завершали одновременно формулой «Аминь» – «да будет так!».

К древним общинным традициям татар относится обряд угощения *бэби ашы*. В продолжение нескольких дней подруги, соседки и родственницы молодой мамы приходили навестить ее и приносили с собой угощения, а иногда и подарки. *Бэби ашы* существует и сейчас.

Свадебные обряды татар настолько разнообразны, что рассказать обо всех в данной главе просто невозможно. Поэтому ограничимся изложением последовательных актов, совершаемых в связи с бракосочетанием.

Всякому бракосочетанию предшествовал сговор, в котором со стороны жениха участвовал *яучы* (сват) и кто-либо из старших родственников. Если родители невесты давали согласие на брак, в ходе сговора решались вопросы о размерах калыма, о приданом невесты, о времени проведения свадьбы, количестве приглашенных гостей. После заключения «брачного договора» невесту называли *ярашылган кыз* – сосватанная девушка. В течение 3-5 недель стороны готовились к свадьбе. Жених собирал калым, покупал подарки невесте, ее родителям и родственникам, подушки, перины и прочий скарб. Невеста завершала подготовку приданого, собирать которое начинала с 12-14 лет. Его составляли самотканые

Свадебный пир

Рисунок из кн. П.П.Инфантьева

платья, нижнее белье, а также подарочная одежда для жениха: вышитые рубашки, штаны, шерстяные носки и т.п. Родственники обеих сторон были заняты организацией предстоящей свадьбы.

Ритуал бракосочетания и первый свадебный пир происходили в доме невесты. Гости, близкие родственники жениха и невесты собирались к полудню. Жених в это время находился в доме своих родителей, а невеста в окружении подруг проводила день в так называемом доме новобрачных (*кию өйе* – досл. дом жениха), которым служил либо летний домик, либо дом ближайших родственников. Девушки гадали, пытаясь выяснить судьбу невесты в замужестве. Этот вопрос занимал больше всего, ведь иногда невеста в первый раз встречалась с суженым лишь в брачную ночь. Подруги утешали невесту, сулили ей красивого, доброго и молодого мужа. Время от времени в доме звучали песни.

В свадебном собрании (*туй*) мулла совершал ритуал бракосочетания, открывавшийся соответствующей слухом молитвой. Затем он осведомлялся

у родителей о согласии жениха и невесты вступить в брак. Этот акт носил формальный характер, так как родители всегда отвечали утвердительно. После прочтения муллой брачной молитвы брак считался заключенным. Один из младших братьев невесты либо ее племянник отправлялся верхом на лошади к жениху в качестве *сөөнче* (принесший радостную весть). Он извещал жениха о состоявшемся заключении брака словами: «*Жизни! Апай синеке булды!*» («Зять, сестра моя тебе отдана!»).

В это время невеста провожала подруг и сестер, после чего совершался обряд *урын котлау* – освящение постели новобрачных. Гости со стороны невесты приходили в *кию өйе*, каждый из них должен был потрогать перину руками или присесть на край постели. Некоторые в шутку даже ложились. Гости оставляли по несколько монет в специально приго-

Татарская купеческая семья
Фото из личного архива Л.А. Булгаковой

товленном для этого блюде. После ухода гостей невеста оставалась в доме с одной из пожилых женщин или старушкой, которая учила ее, как принять жениха.

К вечеру жених, нарядно одетый, в сопровождении дружек (*кию жегетләре*) отправлялся к месту бракосочетания. Саннный кортеж совершал по деревне ритуальный маршрут. Звучала гармонь и неповторимые песни жениха.

Жениха и его сопровождение встречали рядом ритуалов, многие из которых носили характер розыгрышей. Сторона невесты экзаменовала жениха на скромность, остроту мышления и другие качества. После обрядового угощения жениха гости провожали его к невесте. Чтобы попасть к ней в дом, он выплачивал выкуп (*кию акчасы*).

На следующее утро новобрачных приглашали в баню (*туй мунчасы*). После молодых в баню приглашали родителей жениха. Посещение бани сразу после новобрачных считалось очень почетным. Немногим позже приходили товарищи жениха справиться о здоровье молодых (*хэл белергә*). Гостей приглашали в дом и угощали обедом. После полудни совершается обряд – *арка сөю* (досл. ласкание по спине). В избу, где пировали женщины, приглашали невесту. Ее усаживали на колени лицом в угол. Девушка выражала покорность судьбе лирической песней. Некоторые из песен невест были настолько трогательными, что вызывали слезы присутствующих. Мать жениха (*кодагый*), ее сестры (*кодачалар*), старшая сестра жениха (*олы кодагый*) поочередно подходили к невесте и поглаживали ее по спине, говорили ласковые слова или наставляли, как вести себя с мужем. После этого *кодагыйлар* (сваты) дарили невесте подарки или деньги.

К вечеру гости разъезжались по домам. При этом члены породнившихся семей

(*кодалар*) обменивались подарками. Родственницы невесты дарили гостям платки и другие мелкие предметы, в ответ на это последние отдаривались деньгами.

После этого (первого) этапа свадьбы жених оставался с невестой, но по истечении недели возвращался в свой дом. Молодая жена продолжала жить со своими родными. Муж навещал ее каждую ночь. Это называлось *кияүләп йөрергә* (жениховать). Так проходило время от полугода до 2-х лет. За это время молодой муж иногда отстраивал новый дом для своей семьи, но порой указанное время необходимо было для выплаты полного размера калыма, так как не всякий жених мог сделать это до свадьбы. Случалось к моменту переезда молодой в дом к мужу у нее уже были дети.

Второй свадебный пир (*калын, калын туй*) начинался переездом молодой. В назначенный час жених отправлял за невестой повозку с лошадьми, украшенную колокольцами и лентами. В повозку красиво укладывали приданое, сюда же усаживались молодая жена и подростки, младшие братья или дети родственников. В других повозках, также украшенных лентами, рассаживались родители молодой, затем сваты и сватьи, и кортеж отправлялся в путь. В доме *кияу* (здесь – мужа) его родители и родственники встречали гостей. Старшая сестра (*олы кодагый*) и мать молодого держали в руках свежеспеченный каравай хлеба и чашку меда. Кто-то из мужчин подводил к повозке теленка – символ благополучия. На землю клали подушку. Невестка спускалась с повозки, опираясь на теленка, и вставала на подушку. Затем она отламывала руками кусочек от караваев и, обмакнув его в мед, съедала. Иногда девушку кормила медом с ложечки мать мужа. Данная традиция служила выражением добросердечия к невестке и пожелания благополучной жизни молодой семье.

Затем молодая совершала ритуал освящения жилища, окропив углы и фундамент своего нового дома. Предполагалось, что она после этого лучше уживется с новыми родителями и быстрее освоится в доме. Затем молодую жену отправляли с коромыслом по воду (*су юлы*) на ближайший родник или реку. При этом следили, много ли прольется воды из ведер: чем меньше – тем больше уважения к невестке. Если воды проливалось много, говорили, что невестка неаккуратна, нерадива.

На свадебном пиру молодые прислуживали гостям: *кияу* (муж, зять) – мужчинам, а *килен* (невестка) – женщинам. Проводив гостей, невестка оставалась в доме мужа. Уже на следующий день она исполняла обязанности по дому наравне с остальными женщинами, и лишь некоторое время молодую жену можно было отличить по более нарядному платью да по ее почтительному отношению к родителям и старшим родственникам мужа.

В погребальных обрядах татар (мусульман) влияние ислама особенно заметно. Над умершим мулла тотчас читал особую молитву. В течение дня и ночи рядом с усопшим должны были находиться его близкие родственники (*мәет саклау*).

На следующее утро совершалось омовение умершего. Затем его особым способом заворачивали в белый саван и укладывали на специальное ложе – некое подобие носилок. Вновь произносилась молитва, после которой мужчины брали ложе с умершим на плечи и быстрым шагом переносили его на кладбище (*зыярат*). Могилы у татар-мусульман устраивались особой формы, со специальной нишей – подкопом (*ләхет*), в которую и укладывали ложе с покойником.

На следующее утро совершалось омовение умершего. Затем его особым способом заворачивали в белый саван и укладывали на специальное ложе – некое подобие носилок. Вновь произносилась молитва, после которой мужчины брали ложе с умершим на плечи и быстрым шагом переносили его на кладбище (*зыярат*). Могилы у татар-мусульман устраивались особой формы, со специальной нишей – подкопом (*ләхет*), в которую и укладывали ложе с покойником.